

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го іюня. № 11. 1888 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Очерки изъ исторіи канонизаціи Русскихъ святыхъ (съ половины XVI в. и до конца XVII в.) *).

Изъ представленнаго нами описанія канонизаціи нашихъ святыхъ за это время можно видѣть, что какъ способы и приемы, такъ и правила совершенія ея во весь этотъ періодъ, несмотря на его продолжительность, остаются тѣ же самыя, какія мы видѣли и на Макарьевскихъ соборахъ. Какъ тамъ канонизація собственно состояла изъ двухъ главныхъ моментовъ: предварительнаго обыска, имѣвшаго только подготовительное значеніе—собрать и провѣрить необходимыя данныя, и потомъ самаго собора, на которомъ, послѣ повѣрки собраннаго матеріала, и совершалось причисленіе того или другого угодника къ лику святыхъ; точно также и въ настоящій періодъ, какъ мы видѣли, канонизація святыхъ состоитъ изъ тѣхъ же моментовъ. Это сходство совершенія канонизаціи съ формой совершенія ея на соборахъ 1547 и 49 г.г. ясно говоритъ о значеніи этихъ собо-

*) Окончаніе. См. № 10.

ровъ и объ ихъ вліяніи на ходъ совершенія канонизаціи всего послѣдующаго за ними времени. Съ этой стороны настоящей періодъ составляетъ естественное продолженіе Макарьевскихъ соборовъ и вполне примыкаетъ къ нимъ. Это вліяніе соборовъ чувствуется во весь этотъ періодъ и только въ самомъ концѣ XVII вѣка можно замѣтить новое направленіе, представляющее нѣкоторую особенность въ совершеніи канонизаціи сравнительно съ прежнимъ временемъ. Но и эта особенность касается опять-таки не формъ и порядка совершенія канонизаціи, а самаго отношенія нашей Церкви къ этому дѣлу вообще. Именно наша Церковь стала строже въ это время относиться къ канонизаціи своихъ святыхъ. Такъ, мы видѣли уже выше, что внесеніе имени того или другаго святаго въ святцы, зависѣвшее прежде отъ произвола переписчиковъ и составителей ихъ, въ концѣ этого періода становится исключительно дѣломъ высшей власти. Но еще замѣтнѣе становится это новое направленіе по отношенію къ правиламъ совершенія въ этотъ періодъ канонизаціи, именно: свидѣтельствуваніи чудесъ и житій. Присматриваясь къ правиламъ совершенія канонизаціи святыхъ за этотъ періодъ, мы видѣли, что канонизаціи каждаго изъ нихъ предшествовала предварительный обшскъ, направленный къ тому, чтобы собрать и провѣрить необходимыя данныя. Въ XVII вѣкѣ у насъ стали внимательнѣе относиться и къ открытію мощей и строже провѣрять записи исцѣленій, чтобы устранить „затѣйныя чудеса“, какъ выразился Симонъ Азарьинъ *). Такъ, открытіе мощей въ это время могло совершаться не иначе, какъ только съ благословенія высшей центральной власти. Соборъ 1666—67 г.г. относительно этого постановилъ, чтобы „тѣлеса не

*) Ключевск. Жит. 423.

« тѣхъ, обрѣтающихся въ нынѣшнія времена, не повелѣша дерзати скоро, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, во свѣтыя почитати. А идѣже обрѣдуться таковая свѣтыхъ тѣлеса и о таковомъ заповѣдаша всячески испытати и свидѣтельствовати достовѣрными свидѣтельствами предъ великимъ и совершеннымъ соборомъ архіерейскимъ¹. Точно также, не говоря уже о томъ, что чудеса всегда теперь свидѣтельствовались, находимъ кромѣ того факты, которые показываютъ, что это свидѣтельство-ваніе стало производиться гораздо строже и за выдумываніе ложныхъ и „затѣйныхъ“ чудесъ высшая духовная власть строго карала. Такъ въ 1630 году одному крестьянину явился во снѣ чудотворецъ Даниилъ Переяславскій и велѣлъ ему передать начальнымъ людямъ, чтобы приходили къ его чудотворцеву гробу и къ образу и молебствовали. Крестьянинъ о своемъ снѣ сказалъ воеводѣ, а этотъ донесъ патриарху, который и потребовалъ крестьянина къ себѣ. Неизвѣстно, какъ шло разслѣдованіе этого дѣла, и почему оно возбуждало сомнѣніе; но оно кончилось тѣмъ, что крестьянина велѣно было постричь въ монахи, а стихиры и канонъ и житіе свѣтаго, написанные изстари, были взяты къ Москвѣ¹). Мысль о необходимости свидѣтельствованія и о строгой повѣркѣ чудесъ начинаетъ проникать въ это время и въ общество. Біографы этого времени часто высказываютъ ту мысль, что нельзя записывать и распространять чудеса, которыя не были надлежащимъ образомъ провѣрены и засвидѣтельствованы: жизнеописатель Іуліаніи Лазаревской, упомянувъ о многихъ исцѣленіяхъ по открытіи мощей ея, прибавляетъ: „мы же сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство“²).

¹) А. Э. IV, № 330.

²) Ключевск. Жит. 423.

Мы приводили уже факты этого свидѣтельствванія. Изъ этихъ фактовъ можно видѣть, какъ сложны были тѣ правила и формальности, которыми сопровождалось это свидѣтельствваніе. Всѣ эти формальности направлены были главнымъ образомъ къ тому, чтобы „испытати достовѣрно и извѣстно о чудесѣхъ“ того или другого святаго. Какъ далеко въ этомъ отношеніи простирались заботы высшей церковной власти и какъ эти заботы осуществлялись на самомъ дѣлѣ, со всѣмъ этимъ насъ знакомитъ слѣдующій фактъ. Серапіону, архіепископу Суздальскому и Торусскому, въ 155 году, прикащикъ Петръ Кругликовъ донесъ, что въ этомъ году въ суздальскомъ уѣздѣ „объявился образъ пречистой Богородицы Казанскіе и отъ того де образа милость велія, исцѣленія и проща многая“. По этому донесенію Серапіонъ послалъ своего приказнаго человѣка „да соборныя церкви ключаря того образа досмотрить и тѣхъ людей допросить, которые отъ того образа милость и исцѣленіе получили“. Результаты этого досмотра Серапіонъ счелъ нужнымъ переслать государю и партіарху. Но ни тотъ, ни другой не удовлетворились этимъ свидѣтельствомъ и поручаютъ самому архіепископу снова „про тотъ чудотворный образъ преч. Богородицы Казанскіе съскати тутошными и околными многими людми, верстъ по пяти, и по шти, и по десяти, и по двадцати, и по тридцати, и болши, архимандриты и игумены, и попы и дьяконы, и дворяны и дѣтми боярскими, и всякихъ чиновъ людми, что отъ того чудотворнаго образа преч. Богородицы Казанскіе многимъ людемъ отъ всякихъ различныхъ скорбей исцѣленіе было ли? и будетъ было, и кого именемъ исцѣлила? и тѣмъ людемъ, которыхъ людей преч. Богородица исцѣляла записка есть ли? и будетъ есть и ты бѣ тѣхъ людей, противъ той записки, или по ихъ сказкѣ, велѣлъ поставить предъ со-

бою и ихъ распрашивалъ накрѣпко, что ихъ скорбь была, и какъ исцѣленіе отъ той чудотворной иконы преч. Бого-
родицы Казанскіе получили, и сколько числомъ всякихъ
чиновъ людей тутошныхъ и разныхъ городовъ преч. Бого-
родица исцѣлила и какими различными скорбями? да кто
что тебѣ, сыну, въ сыску сыскныи люди въ свидѣтельствѣ
про ту чудотворную икону скажутъ и которыхъ людей ис-
цѣлила, и ты бѣ, сыну, сыскныхъ людей и которыхъ ис-
цѣлила велѣлъ рѣчи ихъ написать на списокъ подлинно,
порознь, да тѣ свидѣтельствованные рѣчи, за своею рукою
и сыскныхъ людей и которыхъ она своимъ чуднымъ обра-
зомъ исцѣлила за ихъ руками и отцевъ ихъ духовныхъ,
совершивъ прислалъ къ намъ къ Москвѣ“ *).

Но какъ ни строги были правила, къ какимъ Церковь
прибѣгала для повѣрки чудесъ, однако они не всегда до-
статочны были для достиженія желаемой цѣли. Чтобы по-
нять, почему эта повѣрка, несмотря на строгость примѣ-
ненія связанныхъ съ нею правилъ, не всегда достигала
своей цѣли, нужно обратить вниманіе на способъ ея со-
вершенія. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ такого рода
слѣдственныхъ процессовъ мы видѣли, что чудеса того или
другого святаго свидѣтельствовались по записямъ и роспи-
самъ. Но эти послѣднія составлялись обыкновенно братією
со словъ испытавшихъ на себѣ чудо, или же со словъ
очевидцевъ. Слушая отъ пришлаго человѣка рассказъ о
чудѣ или явленіи святаго, братія не имѣла возможности
отнестись къ этому рассказу критически и повѣрить его
черезъ свидѣтелей и принимала извѣстіе на вѣру. Такимъ
способомъ записыванія чудесъ объясняется трудность и
неуловимость ихъ для церковнаго надзора. Впервые созна-

*) А. Э. IV, № 324.

ніе недостаточности тѣхъ средствъ, которыя Церковь употребляла въ этомъ случаѣ, мы встрѣчаемъ въ концѣ этого періода, именно въ дѣлѣ о канонизаціи Анны, княгини Кашиинской. Такъ, отцы собора 1679 года, созваннаго по этому поводу, довольно ясно высказываютъ ту мысль, что чудеса не всегда могутъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ святости того или другого угодника. Именно, сказавъ о томъ, чтобы „нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнія времена, не дерзати, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства, во святыхъ почитати“, отцы собора приводятъ далѣе слова Никона, монаха Черныя горы, о томъ, что „не всякимъ чудесамъ подобаетъ внимати... Достойтъ убо отъ таковыхъ вещей искушати кого аще святъ есть, но отъ плодовъ познавати таковая. Плодъ же истиннаго и духовнаго мужа показа Апостоль: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе и благодать“ *).

Это новое направленіе нашей Церкви по отношенію къ дѣлу канонизаціи отразилось и на характерѣ отношенія ея къ житіямъ въ частности. Какъ мы видѣли, и въ этотъ періодъ до самаго почти конца XVII ст. церковный надзоръ надъ житіями и службами носилъ только внѣшній формальный характеръ. Но съ этого времени мы встрѣчаемъ уже факты строгаго отношенія высшей церковной власти къ службамъ и житіямъ нашихъ угодниковъ. Видно, что у представителей власти является сознаніе недостаточности одного формальнаго надъ ними надзора и необходимости примѣненія болѣе лучшихъ и пригодныхъ способовъ для провѣрки самаго содержанія ихъ. Это усиленіе церковной критики совпадаетъ съ эпохой патріарха Никона, временемъ пересмотра богослужебныхъ книгъ, обрядовъ, рели-

*) Вѣстникъ Евр. 1870 г. 2, 504.

гіозныхъ обычаевъ и преданій, эпоха смѣлой реформы всего того, что послѣ пересмотра оказалось лишеннымъ достаточныхъ основаній для своего освященія церковнымъ авторитетомъ. Тогда-то церковная власть не утвердила своимъ авторитетомъ многія жизнеописанія, составленныя по неосновательнымъ изустнымъ преданіямъ, иногда съ явными слѣдами собственнаго вымысла составителя, который за недостаткомъ самобытнаго творчества, часто дѣлалъ сколокъ съ прежнихъ житій. Какъ поступала наша Церковь относительно такого рода житій въ это время, показываетъ то, что на соборѣ 1667 г. рѣшились отвергнуть между прочимъ житіе преп. Евфросина Псковскаго (въ той части, которую нашли погрѣшительною), хотя стоглавый соборъ, имѣвшій въ виду это житіе и на немъ основываясь, утвердилъ-было сугубое аλληлуіа.

Но еще рельефнѣе это новое направленіе по отношенію свидѣтельствванія житій и ихъ повѣрки выразилось на примѣрѣ блаж. княгини Анны Кашинской. Житіе ея написано кѣмъ-то со словъ Никифора и по своей формѣ и стилю вполне подходитъ къ прежнимъ житіямъ Макарьевского періода агіобіографіи и ничѣмъ отъ нихъ не отличается. Соотвѣтствуя вполне установленной формѣ, это житіе, подобно многимъ другимъ, вошло бы въ кругъ церковно-богослужебныхъ книгъ, не возбуждая никакого сомнѣнія. Дѣйствительно, нѣкоторое время какъ житіе, такъ и канонъ и вся служба были въ церковномъ употребленіи. Но наша высшая духовная власть свое свидѣтельствованіе простирала теперь гораздо далѣе внѣшней стороны житія; она не ограничивается уже только требованіемъ соотвѣтствія житія установленной нормѣ, но стала столько же, если не болѣе, обращать вниманіе и на самое содержаніе. Въ этомъ и заключается вся разгадка, почему житіе и

служба блаж. княгини Анны Кашинской, по своей формѣ не отличающіяся отъ прежнихъ, признаны этимъ соборомъ лживыми и изъяты изъ церковнаго употребленія.

Такъ какъ это первый опытъ критическаго отношенія церковной власти къ житіямъ и службамъ нашихъ святыхъ, то мы постараемся познакомиться въ общихъ чертахъ съ тѣми приѣмами и способами, какіе съ этого времени она стала употреблять въ подобныхъ случаяхъ.

Мы выше видѣли, что въ большинствѣ случаевъ инициатива составленія житій выходила не отъ высшей власти, а принадлежала почитателямъ памяти почившаго угодника. Между тѣмъ въ настоящее время, на соборѣ 1678 года, прямо поставляется въ вину писателю, что житіе блаж. княгини Анны „писано не по благословенію святѣйшаго патріарха и священнаго собора или тамо сущаго архіерея, но собою дѣячекъ сдумалъ или что отъ кого слышалъ въ басняхъ сказывалъ“ *), чѣмъ ясно дается знать, что житіе того или другого святаго можетъ явиться теперь не иначе, какъ съ благословенія высшей духовной власти. Затѣмъ самое свидѣтельствованіе житія носитъ совершенно другія черты. Теперь обращаютъ вниманіе не на форму, а на содержаніе. А отсюда, конечно, и приѣмы этого свидѣтельствованія должны были измѣниться и принять другой характеръ. Прежде для этого достаточно было одного поверхностнаго просмотра житія, его чтенія, чтобы видѣть—соотвѣтствуетъ ли оно установленной нормѣ. Теперь же это свидѣтельствованіе простирается уже до критической провѣрки самаго содержанія, причемъ для последней прибѣгаютъ къ другимъ источникамъ письменнымъ, и на основаніи этихъ источниковъ признаютъ содержаніе

*) В. Евр. 1870, 2, 502.

житія достовѣрнымъ или ложнымъ. Такъ именно велось дѣло на соборѣ 1678 года. Житіе княг. Анны повѣрялось на основаніи показаній лѣтописцевъ и степенной книги. Отцы собора пунктъ за пунктомъ на основаніи „извѣстій лѣтописныхъ и степенныхъ книгъ“ разбирали содержаніе житія. Такихъ пунктовъ, противорѣчащихъ лѣтописямъ, они нашли 13. Эти противорѣчія, найденныя ими, привели ихъ къ сознанію не историческаго характера всего житія—„въ малѣ не вѣрно, во многѣ не вѣрно есть“; вслѣдствіе чего осудили послѣднее, какъ недостовѣрное и ложное: „въ житіи семъ не мало, но много писано неправды и того ради еще бы отъ части и праведно писано, ни въ чемъ же ему вѣрити подобаетъ“.

В. Васильевъ.

Эпоха св. князя Владиміра и его личность по народному представленію.

Послѣ крещенія Руси,—этого, кореннымъ образомъ измѣнившего всю жизнь русскаго народа, событія,—прошло уже 900 лѣтъ. Не малый промежутокъ времени. Много воды утекло съ тѣхъ поръ; многое, и даже очень многое измѣнилось съ того времени настолько, что нынѣшняя Русь вовсе не похожа на Русь времени св. Владиміра. Условія современной намъ русской жизни такъ не схожи съ тогдашними, жизнь такъ ушла впередъ, что даже при нынѣшнемъ, можно сказать, блестящемъ состояніи исторической науки, мы не можемъ съ увѣренностію сказать, что имѣемъ вполне вѣрное и полное представленіе объ эпохѣ св. князя Владиміра. Даже годъ крещенія Руси является въ настоя-

щее время спорнымъ вопросомъ *), а между тѣмъ учеными положено немало труда на рѣшеніе его.

Если въ такомъ состояніи находится историческая наука въ рукахъ интеллигентнаго класса общества, то что же можно сказать о нашемъ простомъ народѣ? Можетъ быть, очень многіе увѣрены, что русскій простой народъ, при своемъ признанномъ всѣмъ свѣтомъ невѣжествѣ, совершенно чуждъ тѣхъ историческихъ вопросовъ, которые волнуютъ и занимаютъ современное намъ общество; что крестьяне наши, если и знаютъ имя св. Владиміра, то только потому, что слышать о немъ въ церкви. Но думающіе такъ жестоко ошибаются. Можно съ увѣренностію сказать, что нашъ простой, невѣжественный народъ, не знакомый съ учеными сочиненіями, не издавшій средѣ ученыхъ, почти не читающій вовсе книгъ, не только слыхалъ имя св. Владиміра, но имѣетъ даже свой опредѣленный взглядъ на событія, современныя этому князю, какъ и вообще на всю русскую исторію. Можно сказать даже болѣе. Мы, образованные люди,—какъ ни удивительно это повидимому,—нерѣдко обращаемся къ простому народу и ищемъ въ его историческихъ произведеніяхъ данныхъ для обоснованія своихъ шаткихъ историческихъ теорій. Да, нашъ простой, темный народъ имѣетъ свою исторію и свои историческія сочиненія!

Свои историческія понятія и свѣдѣнія народъ выражаетъ.

*) Большинствомъ, впрочемъ, ученыхъ крещеніе Владиміра и Руси относится къ 988 году. На этомъ основаніи, по опредѣленію Св. Синода, 900-лѣтіе крещеніе Руси будетъ праздноваться 15 іюля (день памяти св. Владиміра) настоящаго года. Въ виду предстоящаго торжества и помѣщается рядъ статей, относящихся къ эпохѣ св. Владиміра. Ред.

въ такъ-называемыхъ былинахъ. О томъ, какое значеніе имѣютъ эти былины, какъ историческіе памятники, мы распространяться не станемъ. Намъ кажется достаточнымъ привести только слова извѣстнаго авторитета по части нашей народной поэзіи — Буслаева. „Былина, говоритъ онъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія между прочими видами русской народной поэзіи. Она свидѣтельствуешь намъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ“. „Если русскій безграмотный людъ не учится исторіи своей родной земли по школьнымъ учебникамъ, если не понимаетъ ни хронологической, ни прагматической связи между важнѣйшими событіями родной старины, то все же онъ питаетъ къ нимъ поэтическое и нравственное сочувствіе, воспоминаая о нихъ въ своихъ былинахъ“... Для народа „былина несравненно выше всевозможныхъ историческихъ руководствъ и учебниковъ“... „въ общемъ своемъ составѣ, въ нравственной характеристикѣ лицъ и въ пониманіи великихъ событій старины и до сихъ поръ еще она не встрѣчаетъ себѣ соперничества ни въ одномъ историческомъ прагматическомъ сочиненіи, а по искренности національнаго чувства она можетъ равняться развѣ только съ самыми лучшими страницами лѣтописи, которой служить живымъ народнымъ отголоскомъ“ *).

Что въ приведенныхъ словахъ авторитетнаго ученаго нѣтъ ничего преувеличеннаго, это станетъ вполне ясно тогда, когда мы на основаніи былинь представимъ состояніе Руси времянь кн. Владиміра. Читатель увидать, что въ былинахъ эта эпоха обрисована ничуть не хуже, чѣмъ

*) Историч. хрестоматія — Цокровскаго. Стр. 87—88.

въ лѣтописи и совершенно съ нею согласно. Правда, въ былинахъ, относящихся къ эпохѣ Владиміра, очень часто встрѣчаются такъ-называемые анахронизмы, т. е. въ одной и той же былинѣ народъ перѣдко изображаетъ сразу нѣсколько разновременныхъ событій, представляя ихъ одновременными; кромѣ того, онъ перѣдко смѣшиваетъ историческую дѣйствительность съ поэтическимъ вымысломъ. Но эти анахронизмы и другія историческія несообразности всегда легко отдѣлать, послѣ чего остается только вѣрная дѣйствительности картина эпохи.

Замѣтимъ, что эпоха св. кн. Владиміра пользуется особою любовью простого народа, и это можно сказать далеко не о всемъ протяженіи русской исторіи. Народъ нашъ не имѣетъ цѣльной и связной исторіи: онъ совершенно обходитъ нѣкоторые періоды ея, или связываетъ ихъ въ одно съ излюбленными своими эпохами, событіями и лицами. Такъ, напримѣръ, объ удѣльномъ періодѣ и о періодѣ собиранія Руси въ одно цѣлое московскими князьями былины, можно сказать, не говорятъ почти ничего. Причина такого отношенія нашего простого народа къ различнымъ историческимъ эпохамъ кроется въ томъ, что онъ привыкъ представлять себѣ Русь однимъ цѣлымъ, нераздробленнымъ государствомъ съ единоличною верховною властію во главѣ. Идея едноводержавія въ государствѣ есть единственно доступная и пріятная нашему народу идея государственнаго устройства. Никакого дробленія власти онъ не хочетъ знать. Вотъ почему тотъ пунктъ нашей исторіи, когда государство только что образовалось—и именно въ пришедшейся по сердцу нашему народу формѣ—и долженъ былъ приковать къ себѣ вниманіе нашего народа. А такимъ пунктомъ именно и является эпоха св. кн. Владиміра. Если нашъ народъ съ неменьшимъ вниманіемъ останавли-

« вается на татарской эпохѣ, то опять же потому, что въ это время государство подвергалось сильной опасности утратить свою самостоятельность, а русскій народъ—свою самобытность. Третья эпоха, излюбленная нашимъ народомъ, есть время І. Грознаго, и опять же она уцѣлѣла въ народной памяти не по чему другому, какъ потому, что въ это время идея самодержавнаго государства въ первый разъ, послѣ сильной борьбы съ остаткомъ удѣльной системы—самовластіемъ бояръ, заблестала во всей своей силѣ. Итакъ, повторимъ, эпоха кн. Владиміра пользуется особеннымъ сочувствіемъ и вниманіемъ нашего народа, какъ такое время, когда Русь только что еще начинала жить, какъ особое, вполнѣ установившееся государство.

Въ какомъ же видѣ представляютъ намъ былины положеніе Руси при кн. Владимірѣ? „Былины Владимірова цикла (круга, періода) выражаютъ собой то именно время изъ прошедшей Руси, когда русскіе славяне впервые проявили стремленіе къ прочному государственному строю жизни и подъ охраной его впервые стали горячо отстаивать свою самостоятельность предъ натискомъ иноплеменниковъ“ *). Дѣйствительно, всматриваясь пристально въ содержаніе былинъ, мы найдемъ, что изображаемая въ нихъ Русь имѣетъ всѣ признаки вполнѣ сложившагося уже и сознавшаго свое единство государственнаго организма. На Руси въ изображаемую былинами эпоху мы видимъ уже опредѣленный государственный центръ—столицу, къ которой тяготеютъ другіе русскіе города; въ этой столицѣ живетъ князь—хозяинъ всей „земли святорусской“; у князя есть дружина—богатыри, постоянно обѣзжающіе всю Русь для защиты ея отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; есть

*) Майковъ. Истор. хрест. Покровск., стр. 121.

уже и первые зачатки образованія сословій—боярскаго, духовнаго, чиновническаго и крестьянскаго. Все это прямо свидѣтельствуєтъ, что, какъ сказано, Русь временъ Владиміра представляется народному сознанію уже не какъ рядъ отдѣльных семействъ или родовъ, живущихъ особою жизнью и заботящихся только о своихъ собственныхъ интересахъ, что было на Руси, по свидѣтельству лѣтописи, до призванія изъ-за моря варяга Рюрика, а—согласно съ исторіей, —какъ цѣлое, сплоченное въ одно единствомъ интересовъ и національности русское государство.

Центромъ этого государства, столицей его, является городъ Кіевъ на „Нѣпрѣ“ (Днѣпрѣ) рѣкѣ. Наши былины положительно восхищены внѣшнимъ видомъ этого города. Онѣ иначе не называютъ его, какъ „краснымъ городомъ“, „славнымъ стольнымъ Кіевомъ градомъ“. Въ одной изъ былинъ, въ которой разсказывается о сватовствѣ кн. Владиміра за литовскую княжну Апраксию *), эта послѣдняя, хотя и нисколько не выдавшая Кіева, положительно восхищена красотою его:

„Тамъ стоятъ палаты грановитыя,
Тамъ стоятъ луга красовитыя“.

Если сравнимъ это народное представленіе города Кіева съ историческими указаніями, то въ этомъ случаѣ найдемъ полное тожество. По разсказу лѣтописца красотою Кіева былъ восхищенъ даже самъ грозный завоеватель его Батый. Впрочемъ, говоря о красотѣ Кіева нельзя не замѣтить того,

*) „Былевая Апраксія (Евпраксія) королевична естъ, по всему вѣроятію, лѣтописная Рогнѣда, дочь полоцкаго кн. Рогволода, отказавшаяся сначала отъ замужества съ кн. Владиміромъ, но вышедшая потомъ за него, по убіеніи отца ея Рогволода“. Авенаріусъ. Книга о кіевскихъ богатыряхъ. Примѣч. 10.

что ее не слѣдуетъ измѣрять на современный намъ масштабъ. Припомнимъ, что на Руси въ до-петровскую эпоху вообще не было развито строительное искусство, сообщающее красивому мѣстоположенію особенную прелесть. Поэтому если нѣкоторые русскіе города и были дѣйствительно красивы, то исключительно только по своему мѣстоположенію, а никакъ не по постройкамъ. Вотъ почему если „мать городовъ русскихъ“ приводила въ восхищеніе ихъ самихъ и поразила дикаря Ватю, то иностраннѣй богатырь Дюкъ Степановичъ, изнѣкомый съ чужими землями и видавшій тамошніе города, находить, что по сравненію съ послѣдними Кіевъ и бѣденъ и грязенъ.

„Сказывали—Кіевъ градъ въ чести въ добрѣ,
А у васъ въ Кіевѣ все не по нашему:
Въ нашей церкви во соборной
Просто-за-просто да пусто-за-пусто“.

Дворъ князя, по отзыву Дюка, тоже не блещетъ роскошью: ему далеко до двора Дюковой матушки, гдѣ:

„На дворѣ стоятъ столбы серебряны
Въ нихъ продернуты колечки чиста золота“...

Кіевъ грязенъ: Дюкъ жалуется, что онъ, идучи по Кіеву, забрызгаетъ свои „сапожки—зеленъ сафьянъ“.

Кромѣ Кіева въ былинахъ упоминается и о нѣкоторыхъ другихъ русскихъ городахъ. Таковы—Смоленскъ, Черниговъ, Муромъ—родина Ильи Муромца, Ростовъ, откуда былины выводятъ Алешу Поповича и Рязань, гдѣ родился Добрыня Никитичъ. Замѣтательно, что въ былинахъ очень рѣдко упоминается Новгородъ и совсѣмъ нѣтъ упоминанія о городахъ белорусскихъ, изъ которыхъ нѣкоторые (Полоцкъ—напримѣръ) древнѣе многихъ и очень многихъ городовъ великорусскихъ. Очевидно эти города, какъ рано вышедшіе изъ строя русской жизни и выжившіе своей особой жизнью,

забыты народомъ, почему и исчезли изъ былинь, смѣшавшись въ представленіи народномъ съ чужими землями. Такъ, Полоцкъ, родина Рогнѣды (былевой Апраксii), уже забытъ и вмѣсто него говорится вообще о „хороброй Литвѣ“, а отецъ ея Рогволодъ въ той же былинь называется просто „королемъ литовскимъ“. Такимъ образомъ, Бѣлоруссія, чисто русская страна, отождествилась въ глазахъ народа съ Литвой, или,—что въ былинахъ одно и то же,—съ Польшей, отъ каковаго взгляда на этотъ край, къ сожалѣнію, великоруссы не могутъ окончательно отрѣшиться и въ настоящее время.

Упоминаемые въ былинахъ города всѣ безъ исключенія тяготеютъ къ одному общему центру Руси—Кіеву. Ни одинъ изъ этихъ городовъ не получилъ отъ народа такого эпитета, который постоянно сопровождаетъ городъ Кіевъ. Тогда какъ эти города называются просто Муромъ, Черниговъ и т. п. центръ Руси есть „столичный городъ“ Кіевъ, т. е. Кіевъ, какъ бы такъ хочетъ выразиться народъ, не то же, что другіе города; онъ не равенъ имъ и даже не старшій между равными, онъ выше другихъ, столица, которой подчинены всѣ части государства, слѣдовательно и всѣ отдѣльные города. Такое изображеніе отношенія между отдѣльными частями Руси вполне подходитъ ко времени св. кн. Владиміра и никакъ не можетъ быть отнесено къ удѣльному періоду русскаго государства, начавшемуся, по свидѣтельству лѣтописи, уже послѣ княженія сына Владиміра Ярослава, который раздѣлилъ Русь между своими сыновьями. Тогда каждый городъ былъ самостоятельной столицей, а князья по большей части и знать не хотѣли старшаго кіевского князя. Правда, въ былинь о Вольгѣ Святославичѣ есть нѣкоторый намекъ на удѣльную систему. Тамъ, между прочимъ, говорится, что Вольгу

„Жаловалъ его рѣднѣйшій дядюшка
Ласковѣй Владиміръ стольно-кѣвскій
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ—Гурчевцомъ,
Другимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ—Крестыановцемъ“.

Но это очевидный и притомъ единственный въ своемъ родѣ анахронизмъ въ былинахъ. Больше намѣсковъ на удѣльную систему въ нихъ не встрѣчается. Очевидно, что нашъ народъ сохранилъ память, или—правильнѣе—не хочетъ забыть того, что на Руси когда то была удѣльная система, хотя этотъ періодъ нашей исторіи простирается на нѣсколько столѣтій и совпадаетъ съ интересующей нашъ народъ татарской эпохой. Это замѣчательная черта въ нашей народной литературѣ! Она ясно показываетъ, что идея единоподдержавія вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь нашего народа.

Называя Кіевъ стольнымъ городомъ и приурочивая къ нему, какъ къ политическому центру, другіе города, былины выражаютъ это отношеніе между отдѣльными частями Руси еще и тѣмъ, что заставляютъ всѣхъ богатырей—выходцевъ изъ разныхъ мѣстностей обширной Руси—стекаться въ одно общее для всѣхъ мѣсто—въ Кіевъ.

Итакъ, по изображенію былинъ, Русь времени св. Владиміра имѣла главный признакъ государственнаго организма—единство. Но для полнаго представленія о Руси, какъ государствѣ, этого еще мало. Необходимы и другіе признаки. Государство, хотябы и въ зачаточномъ еще состояніи, есть уже сложный механизмъ; это не семья и не родъ, гдѣ съ различнаго рода дѣлами могло управляться одно и то же лицо. Въ немъ различныя стороны жизни разрастаются уже несравненно шире и каждая сторона требуетъ своихъ

особыхъ дѣятелей. При родовомъ устройствѣ Руси каждый членъ рода въ одно и то же время могъ быть и воиномъ и пахаремъ, долженъ былъ исполнять и другія обязанности. Въ государствѣ этого уже быть не могло; различныя области дѣятельности должны были распредѣлиться между отдельными классами общества. Однимъ словомъ, государство предполагаетъ уже и существованіе различныхъ сословій. И действительно въ лѣтописныхъ сказаніяхъ, относящихся къ эпохѣ кн. Владиміра, находимъ нѣкоторое указаніе на ихъ существованіе. Такъ, говоря о пирахъ кн. Владиміра, лѣтописецъ замѣчаетъ, что они устраивались для бояръ, гридней (младшихъ членовъ дружины), сотскихъ, десятскихъ и нарочитыхъ людей (почетныхъ горожанъ). Въ соответствии этому все дѣятели былины хотя и носятъ одно общее названіе богатырей, тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ есть представитель особаго сословія, Добрыня—боярекаго, Алеша Поповичъ—духовнаго, Василій Іоанновичъ или Васька пьяница—сословія дьяковъ, Илья Муромецъ—крестьянскаго. Конечно, такого точнаго разграниченія сословій, какъ и показываетъ приведенная изъ лѣтописи выдержка, при кн. Владимірѣ еще быть не могло, но это не важно. Важно то, что зародыши этихъ сословій уже были и что это не ускользнуло отъ вниманія народа. Былины не прозаическія, а поэтическія произведенія и поэтому требовать отъ нихъ буквальной точности нельзя. Отъ нихъ можно требовать только правдоподобія, а этому требованію онѣ вполне удовлетворяютъ.

Все сословія обрисованы въ былинахъ очень мѣткими чертами, хотя и нельзя сказать, чтобы вполне безпристрастно. Характеризуя различныя сословія, народъ выражаетъ къ нимъ свои симпатіи и антипатіи, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему вполне вѣрно цѣнить значеніе ихъ въ государ-

4 ственной жизни. Такъ, приписывая Добрынь Никитичу „вѣ-
жество врожденное“, какъ черту подмѣченную у высшаго
сословія, народъ указываетъ и значеніе его въ государ-
ственной жизни; оно состоитъ въ томъ, что Добрыня несъ
службу придворную:

„Но три года Добрынюшка столбичалъ,
Но три года Добрынюшка лашавчалъ,
Но три года Добрынюшка последничалъ“ (т. е.
былъ въ полахъ).

Алеша Поповичъ—представитель духовнаго сословія—не
поддается народнымъ расположеніямъ. Народъ рѣзко ука-
зываетъ на два его крупныхъ нравственныхъ недостатка—
зависть и корыстолюбіе:

„Алеша роду поповскаго,
Поповскіе глаза завидущіе,
Поповскія руки загребушія“...

Историческая причина такого нерасположенія народа къ
духовенству вполне ясна: она кроется въ матеріальной не-
обеспеченности послѣдняго, повсюду принужденнаго жить
на счетъ крестьянина. Народъ понимаетъ это и вотъ почему
въ его, повидимому, сумѣ приговоръ не слышно злобы.
Этотъ приговоръ не мѣшаетъ ему понимать и правильно цѣ-
нить значеніе духовенства. Рассказывая о борьбѣ Алешы
съ Тугариномъ Змѣевичемъ, былина приписываетъ побѣду
надъ послѣднимъ исключительно тому обстоятельству, что
Алеша предъ битвой „всю ночь не спалъ, молился Богу
со слезами“. „Алешины молитвы доходны ко Христу“, за-
мѣчаетъ далѣе былина. И дѣйствительно, если вообще ду-
ховенство имѣетъ громадное значеніе въ народной жизни,
то это значеніе было особенно чувствительно въ эпоху кн.
Владимира, въ эпоху первой борьбы на Руси христіанства
съ язычествомъ. Сословіе дьяковъ, изображаемое въ были-

нахъ съ крупнымъ порокомъ пьянства, тоже цѣнится народомъ. Представитель его Васька пьяница необходимъ кн. Владиміру для того, чтобы, при помощи „арляковъ скорописчатыхъ“, собирать въ Кіевъ отсутствующихъ богатырей. Наибольшею любовью народа пользуется Илья Муромецъ, представитель крестьянскаго сословія. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что народъ въ его лицѣ изображаетъ самого себя, а съ другой и тѣмъ значеніемъ, которое дѣйствительно имѣетъ крестьянское сословіе, какъ государственная сила.

Надѣляя каждого богатыря чертами, характеризующими известное сословіе, былины сообщаютъ ихъ дѣятельности одну общую цѣль, защиту родной земли отъ враговъ. Всѣ богатыри ѣдутъ въ Кіевъ за тѣмъ, чтобы:

„Заложиться за князя Владиміра,
Послужить ему вѣрой и правдою,
Постоять за вѣру христіанскую“

и за „матушку свято-Русь землю“. Эти и подобныя выраженія показываютъ, что цѣлью богатырскихъ поѣздокъ было служеніе интересамъ родной земли, т. е. у богатырей была цѣль не личная, а государственная. Къ достиженію этой цѣли были направлены всѣ силы юнаго государства; каждый членъ его, безъ различія сословія, къ которому онъ принадлежалъ, служилъ ему чѣмъ и какъ могъ. А во времена кн. Владиміра это было очень и очень нужно. Каждое государство при своемъ образованіи и на первыхъ порахъ послѣ этого должно употреблять много усилій, чтобы отстоять свою самостоятельность и свое единство отъ покушеній вѣнскихъ враговъ и чтобы правильно устроить свою внутреннюю жизнь. Словомъ, всякое вновь образовавшееся государство должно вести ожесточенную борьбу какъ внѣ, такъ и внутри своихъ предѣловъ.

Такой періодъ несомнѣнно пережила и Русь до кв. Владиміра и въ его эпоху. Лѣтопись подъ 6491—6523 (по нынѣшнему счисленію 983—1015) годами, обнимающими княженіе Владиміра, рассказываетъ о многочисленныхъ походахъ послѣдняго на Ятвяговъ, Радимичей, Камскихъ болгаръ, Хорватъ, Печенѣговъ и проч. Вообще лѣтопись даетъ полное основаніе утверждать, что окружающіе древнюю Русь народы дѣлали на нее частые набѣги и что Русь защищалась отъ нихъ всеми своими силами. Эта-то борьба и отразилась очень ярко въ народной поэзіи.

Все богатыри на пути въ Кіевъ, „къ дасковому князю Владиміру“ совершаютъ различнаго рода подвиги. Иногда они совершаютъ ихъ порознь, а иногда соединяются для этой цѣли вмѣстѣ, устраивая подъ Кіевомъ „заставу богатырскую“. Цѣль такого товарищескаго соединенія та, чтобы сообща слѣдить за „нахвалящниками“, какъ бы они не пробрались незванно-непрощенно въ русскую землю. Одинъ изъ такихъ „нахвалящниковъ“ въ былинѣ названъ жидовникомъ,—прямой намекъ на Хозаръ, жившихъ на югѣ Руси и содержавшихъ іудейскую религію. Встрѣчаются въ былинахъ названія и другихъ историческихъ враговъ Руси. Таковъ, напримѣръ, Тугаринъ Змѣевичъ, съ которымъ боролся и котораго два раза побѣдилъ Алена Поповичъ; въ немъ нельзя не видѣть половецкаго хана Тугара, опустошавшаго Русь въ концѣ XI в. Таковъ же Шаркъ великанъ, т. е. Шару-ханъ, тоже половецкій князь современный Тугарь-хану. Упоминаются еще въ былинахъ цари съ чисто татарскими названіями—Батый, Сартакъ, Лонышакъ, Мамай, и друг. Но само собой разумѣется, что все эти имена половецкихъ и татарскихъ царей и хановъ суть позднѣйшіе анахронизмы, потому что Русь эпохи кв. Владиміра знала только изъ кочевыхъ народовъ хозаръ да печенѣ-

говъ, половцы же и татары стали ее опустошать позднѣе.

Употребляя всѣ усилія на защиту родной земли отъ вѣшнихъ враговъ, кн. Владиміръ, по свидѣтельству лѣтописи, долженъ былъ бороться и съ внутренними неурядицами. Особенно сильно въ его княженіе Русь страдала отъ разбойниковъ, чему, между прочимъ, способствовало то обстоятельство, что, по русскимъ обычаямъ, за убійство наказывали только денежной пеней (вира), а не смертию. Поэтому разбои такъ усилились, что духовенство стало убѣждать князя Владиміра отмѣнить виры и назначить за разбои смертную казнь. Владиміръ, недавно еще принявшій христіанство, сначала не соглашался на убѣжденія духовенства. „Боюсь грѣха“, говорилъ онъ. „Ты поставленъ Богомъ для наказанія злыхъ и для помилуванія добрыхъ“, отвѣчало духовенство. Тогда Владиміръ склонился на его убѣжденія и началъ казнить разбойниковъ. Такъ разсказываютъ лѣтописи о борьбѣ Владиміра съ разбойниками. То же паходимъ и въ былинахъ, съ той, впрочемъ, необходимо свойственной былинамъ разницей, что въ нихъ эта борьба изображена поэтически. Страшные разбойники, обыкновенно жившіе въ лѣсахъ и своимъ произительнымъ сигнальнымъ свистомъ ледявшимъ кровь въ жилахъ путника, олицетворены въ былинѣ въ видѣ чудовищаго Соловья Разбойника, гнѣздящагося на семи дубахъ, съ которыхъ онъ высматриваетъ добычу. Семья этого страшнаго чудовища живетъ въ домѣ, дворъ котораго, какъ въ скамкахъ, обнесенъ жезѣзнымъ тыномъ,

„А на всякой тычинкѣ по маковкѣ

И по той головѣ по богатырскіи“.

Въ глубокихъ подвалахъ дома хранится много награбленнаго добра. Словомъ, миоическимъ характеромъ отличается только образъ самого Соловья Разбойника, вся же обста-

повка вполне согласна съ действительностью. Илья Муромецъ—главный герой былины—береть этого Соловья въ плѣнь и привозить его въ Кіевъ на дворъ кн. Владиміра. Замѣчательно, что какъ лѣтописный Владиміръ боится казнить разбойниковъ, такъ былевой пугается крика Соловья Разбойника, слышаннаго имъ по приказанію Ильи Муромца. Кромѣ мифическаго образа Соловья Разбойника, въ былинахъ еще упоминаются „станишники“, т. е. тѣ же разбойники; съ ними тоже приходится сталкиваться и перекладываться Ильѣ Муромцу.

Изъ сказаннаго видно, что въ былинахъ совершенно вѣрно и согласно съ историческими данными изображена внѣшняя сторона эпохи кн. Владиміра. Съ немевьшею вѣрностію тамъ отразилась и самая его личность и отношенія его къ дружинѣ.

Въ былинахъ,—какъ мы только что видѣли и какъ свидѣтельствуютъ многіе другіе разсказанные въ нихъ случаи изъ жизни Владиміра,—последній представляется не отличающимся храбростію; напротивъ, онъ скорѣе трусъ—боится всякой опасности, всѣ же подвиги совершаютъ его богатыри. Совершенно согласно съ этимъ и лѣтопись не приписываетъ этому князю личной храбрости. Правда, лѣтописецъ говоритъ о многочисленныхъ походахъ кн. Владиміра, но въ то же время у него нигдѣ не упоминается о личныхъ подвигахъ этого князя, о его воинской доблести. Напротивъ, и лѣтописи и былины одинаково согласно стараются выставить на первый планъ въ характерѣ Владиміра чисто христіанскіе гуманныя черты—доброту, привѣтливостъ и ласковостъ въ обращеніи съ своими подданными.

Эти черты обуславливались столько же личнымъ характеромъ князя, подъ вліяніемъ христіанской религіи, сколько установившимся исторически отношеніемъ къ дружинѣ.

Дружинники въ то время пахотились совершенно не въ тѣхъ отношеніяхъ къ верховной власти, какъ военное сословіе теперь. Дружинники были людьми совершенно свободными и пользовались правомъ во всякое время по своему желанію оставлять службу у князя. Понятно, что князя, постоянно нуждавшагося для своихъ частныхъ войнъ въ служилыхъ людяхъ, дорожили дружиной и старались угождать ей. Въ лѣтописи въ такомъ именно видѣ и представляется отношеніе между княземъ Владиміромъ и его дружиной. Лѣтописецъ подробно рассказываетъ о пирахъ кн. Владиміра, устраиваемыхъ имъ въ честь дружины. „Каждую недѣлю по воскресеньямъ Владиміръ устраивалъ въ княжеской грядницѣ пиръ: бояре, дворяне (грядни), сотскіе, десятскіе и лучшіе (нарочитые) люди изъ горожанъ приходили сюда и пировали при князѣ и безъ него; на тѣхъ пирахъ бывало множество мяса, говядины и дичины, было много всего“. Тамъ же мы находимъ, между прочимъ, и слѣдующее любопытное извѣстіе, свидѣтельствующее о правахъ дружины и о сознаніи этихъ правъ ею самою. Однажды дружинники во время пира подняли ропотъ на князя. „Зло нашимъ головамъ! даетъ намъ (кн. Владиміръ) ѣсть деревянными ложками, а не серебряными“. Владиміръ, услыхавъ ропотъ, вѣлѣлъ съ этого времени подавать серебряныя ложки, говоря: „съ серебромъ и золотомъ не найду дружины, а съ дружиной найду серебро и золото, какъ дѣдъ мой и отецъ съ дружиною доискались золота и серебра“. „Владиміръ, прибавляетъ далѣе лѣтописецъ, любилъ свою дружину и думалъ съ нею обо всякихъ дѣлахъ, объ устройствѣ земскомъ, о войнахъ, объ уставѣ земскомъ“.

Буквально тоже относительно кн. Владиміра и его богатырей находимъ и въ былинахъ. Богатыри держатъ себя съ княземъ совершенно свободно, почти какъ равные ему,

или—лучше—какъ почетные гости съ ласковымъ хозяиномъ. Съ своей стороны и Владиміръ является по отношенію къ нимъ не болѣе, какъ привѣтливымъ добрымъ хозяиномъ, почему былины вездѣ и называютъ его „краснымъ солнышкомъ“, „ласковымъ“ и тому подобными эпитетами. И дѣйствительно, пріѣхавъ послѣ своихъ подвиговъ въ Кіевъ, богатыри находятъ въ свѣтлой грядницѣ князя самый теплый и радушный пріемъ. Князь обыкновенно обращается къ пріѣзжему богатырю съ такими словами:

„Гой еси Алеша Поповичъ (или Добрыня и т. п.)
младъ!

По отчеству садися въ большее мѣсто, въ перед-
ній рядъ,

Въ другое мѣсто богатырское

Въ дубову скамью противъ меня

Въ третье мѣсто, куда самъ захочешь“.

И подобнаго рода ласковыя слова говорятся всякому богатырю, безъ различія сословій: князю важно не происхожденіе богатыря, а его заслуги отечеству. Поэтому Илья Муромецъ, родомъ крестьянинъ, по оказанній кн. Владиміру много заслугъ, принесшій своими подвигами ему большую „честь и хвалу“, сравнительно съ другими богатырями, обыкновенно имѣетъ и большій сравнительно съ ними почетъ. Послѣ приведеннаго выше обращенія князя къ богатырю обыкновенно начинается пиръ, что называется, „на весь міръ“. И когда бы мы ни заглянули въ Кіевъ, тамъ, если нѣтъ опасности отъ враговъ, всегда идетъ пиръ. Очень многія былины начинаются такими словами:

„Во стольномъ городѣ было во Кіевѣ

Да у ласкова князя у Владиміра

Заводился хоронъ да почестень пиръ

На многихъ князей да на бѣяровъ

На всѣхъ русскихъ могучихъ богатырей
Да на всѣхъ поленицъ удалыхъ“.

Пользуясь такимъ почетнымъ пріемомъ у князя, богатыри, съ своей стороны, платятъ ему не только своими подвигами, но и расположеніемъ къ нему. Входя, наприкладъ, въ домъ и кланаясь „на всѣ на четыре стороны“, они отличаютъ князя особеннымъ поклономъ, предназначеннымъ исключительно ему. Такъ, объ Ильѣ Муромцѣ, — равно какъ и о другихъ богатыряхъ въ подобныхъ случаяхъ, — въ былинѣ говорится, что, пріѣхавъ послѣ плѣненія Соловья Разбойника въ Кіевъ и вошедши въ грядищу кн. Владиміра,

„Онъ и крестъ кладетъ да по писаному,
Поклоны ведетъ да по ученому,
Онъ и кланяется на всѣ на четыре стороны,
Еще князю-то да на особицу:
Еще здравствуй князь славный кіевскій“.

Однимъ словомъ, Илья соблюдаетъ своего рода этикетъ, уже установившійся и даже возведенный въ своего рода науку, которая, можетъ быть, не каждому легко давалась.

Мы высказали почти все, что, по нашему мнѣнію, можно, на основаніи заключающагося въ былинахъ матеріала, сказать объ эпохѣ св. кн. Владиміра. Кто нибудь удивится, что мы обошли такой крупный фактъ княженія его, какъ крещеніе Руси. Неужто былинны проходятъ его молчаніемъ? Все дѣло въ томъ, въ какомъ смыслѣ понимать выраженіе „крещеніе Руси“. Если подъ нимъ разумѣть только первоначальное крещеніе кіевлянъ, то нужно сказать, что дѣйствительно былинны нигдѣ не упоминаютъ объ этомъ событіи. Былинны суть героическія сказанія, обращающія свое вниманіе на первоначальное возникновеніе и развитіе государственнаго начала на Руси. Борьба внѣшняя и внут-

1 ренная при этомъ развитіи—вотъ предметъ былинъ. Поэтому крещеніе кievлянъ при кн. Владимірѣ, какъ фактъ, но народному представленію, не имѣющій отношенія къ этой общенародной борьбѣ и составляющій лишь частное дѣло одной мѣстности Руси, и не возбудило народнаго творчества. Другое дѣло—дальнѣйшее распространеніе христiанства—при кн. Владимірѣ и послѣ него—по всему русскому государству. Оно есть дѣйствительно крещеніе всей Руси въ буквальномъ смыслѣ слова, дѣло общенародное и поэтому не могло быть обойдено имъ въ былинахъ, тѣмъ болѣе, что не обошлось безъ довольно упорной и продолжительной борьбы.

Приверженные къ своей прежней языческой религіи русскіе неохотно уступали напору новой—христiанской. На югѣ Руси эта борьба была еще не особенно упорна, потому что населеніе этой части Руси было давно уже знакомо съ христiанами и ихъ религіей, по прямому свидѣтельству лѣтописи *). Другое дѣло сѣверъ Руси. Здѣсь неслыханная новая религія перѣдко встрѣчала сопротивленіе и подчасъ даже весьма упорное. Такъ, въ Новгородѣ христiанство утверждено было только послѣ того, когда новгородцевъ привудилъ къ этому силою оружія посадникъ Добрыня (дядя св. Владиміра), при помощи тысяцкаго Путяты. Отсюда, по замѣчанію лѣтописца, произошла и пословица: „Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ“. Такимъ образомъ, христiанство не сразу овладѣло умами русскихъ; долго шла упорная борьба между имъ и медленно угасающимъ язычествомъ. Эта-то борьба, какъ дѣло всего народа, повторяемъ, не могла не оставить своего слѣда въ народной поэзіи. И дѣйствительно, всматриваясь присталь-

*) Достаточно указать на св. равноапостольную Ольгу,

но въ содержаніе былины можно найти прямой и ясный
ся отголосокъ. Конечно, въ былинахъ прямо объ этой борь-
бѣ не говорится. Народъ облекъ ее, по своему обычаю,
въ излюбленную форму,—въ форму борьбы между своимъ
любимымъ богатыремъ Ильсю Муромцемъ и страшнымъ
прожорливымъ чудовищемъ „Идолищемъ Поганымъ“. Оста-
новимъ свое вниманіе на этой интересной былинѣ.

Пріѣзжалъ Идолище поганое во стольно-Кіевъ
градъ,

Со грозою со страхомъ со великимъ,
Ко тому ко князю ко Владиміру.

Остановившись на княжескомъ дворѣ, онъ шлетъ къ князю
Владиміру пахальное требованіе,

„Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій,
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника“.

Получивъ грозное требованіе Идолища, князь Владиміръ,
не отличавшійся, по изображенію былины, какъ мы уже видѣли,
личной храбростью, сильно испугался:

„Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся да и закручинился“.

Но случившійся тутъ Илья Муромецъ успокоилъ князи-
тѣмъ, что онъ убьетъ Идолища поганого. Собираясь на бой

„Обуяъ Илья лапотики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ онъ шляпу земли греческой
И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собою палицы булатній
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя“.

Къ счастью Ильи на дорогѣ ему попался „каличичъ
Иванище“ съ „клюхой въ девяносто пудъ“. Завладѣвъ этой

богатырской кляхой, Илья уже смѣло явился въ палаты къ Идолищу. Послѣдній не узнавъ Илью Муромца, принявъ его, по скромной его внѣшности, за „калику перехожую“. Между вновь пришедшимъ и Идолищемъ начался слѣдующій разговоръ:

Говорить ему (Ильѣ) Идолище поганое:

—Ай же ты, калика перехожая!

Какъ великъ у насъ богатырь Илья Муромецъ?—

Говорить ему Илья таковы слова:

„Толь великъ Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

—Помногу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,

Помногу ли Илья вашъ пива пьетъ?—

Говорить Илья таковы слова:

„По столько ѣсть Илья, какъ и я

По столько пьетъ Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

—Окой вашъ богатырь Илья:

И вотъ по семи подръ пива пью,

По семи пудъ хлѣба кушаю.—

Говорить ему Илья таковы слова:

„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,

У него была корова ѣдучая:

Она много пила—ѣла и лопнула“.

Разсерженный такимъ смѣлымъ отвѣтомъ, Идолище схватилъ „кинжалище булатное“ и „со всея силушки великія“ бросилъ имъ въ Илью Муромца. Послѣдній „посторонился въ сторону маленьенько“ и кинжалъ вонзился въ стѣну. Разгорѣлось у Ильи Муромца богатырское сердце, онъ

Схватилъ съ головунки шлану богатырскую земли греческой,

И ляпнулъ онъ во Идолище поганое,

И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

Тутъ ему Идолищу славу поютъ.

Смыслъ этой былины, кажется, ясенъ до очевидности. Идолище поганое, конечно, есть не что другое, какъ олицетворенное язычество, или—точнѣе—языческіе боги, которымъ усердные почитатели постоянно приносили въ жертву скотъ и даже, по свидѣтельству лѣтописи, людей *). Это доказывается уже самымъ названіемъ „Идолище“. Для того, чтобы побѣдить Идолище Ильѣ Муромцу оказывается нужною не клюка богатырская, отпята имъ у „каличища Иванища“, т. е. не физическая сила, необходимая для борьбы съ физической же силой. Для борьбы съ олицетвореннымъ язычествомъ оказалась болѣе пригодною шляпа земли греческой, снятая Ильею съ головы и пущенная въ дѣло въ критическую минуту. Эта шляпа земли греческой есть, безъ сомнѣнія, христіанская вѣра, принятая нами изъ Византіи и оказавшаяся въ рукахъ духовенства гораздо существеннѣе грубой силы, употребленной историческимъ Добрыней для просвѣщенія грубыхъ новгородцевъ. Такъ глубоко нашъ народъ иногда проникаетъ въ смыслъ повидимому совершенно недоступныхъ его пониманію историческихъ событій!

Послѣ представленнаго краткаго очерка положенія Руси при кн. Владимірѣ читатель, вѣроятно, убѣдился, что мы несколько не преувеличивали дѣла, когда говорили, что былины изображаютъ эпоху кн. Владиміра ничуть не хуже, чѣмъ лучшіе наши историческіе памятники—лѣтописи и что, слѣдовательно, нашъ народъ, въ общей конечно массѣ, далеко не

*) См., напр., рассказъ о мученикахъ варягахъ Θεодорѣ и Іоаннѣ, которыхъ Церковь причислила къ лику святыхъ и память которыхъ празднуется 12 іюля.

лишенъ историческаго чутія, которое даетъ ему возможность устанавливать опредѣленный взглядъ на событія и лица и взглядъ, по большей части, совершенно правильный. Да,—повторимъ опять то же, что сказали уже въ началѣ,—нашъ простой, темный народъ имѣетъ свою исторію! Жаль только, что въ послѣднее время,—подъ вліяніемъ различнаго рода неблагопріятныхъ условій, между которыми не послѣднюю, конечно, роль играть практическій духъ нынѣшняго времени, нашъ народъ начинаетъ все болѣе и болѣе дичиться своей родной старины и постепенно, поэтому, утрачивать драгоцѣнные перлы старины своей поэзіи, измѣняя репертуаръ своихъ произведеній въ худшему.

Въ настоящее время дѣло собиранія былинь становится все труднѣе и труднѣе. Былны, какъ выражается простой народъ, „вышли изъ моды“; онѣ уцѣлѣли только по заохотнымъ мѣстностямъ Россіи, да и оттуда,—какъ справедливо описается опытный собиратель былинь Авенаріусъ,—ихъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, скоро вытѣснить „свѣтъ локомотивовъ и фабрикъ“ *). Впрочемъ, въ настоящее время различными учеными собирателями сдѣлано очень много для сохраненія былинь и другихъ произведеній старины народной поэзіи, хотя это дѣло начато и неособенно давно—всего какое-нибудь столѣтіе тому назадъ. Благодаря этимъ ученымъ, не щадившимъ ни трудовъ своихъ, ни времени, наша литература обогатилась такими драгоцѣнными вкладами, каковы сборники Кирши Давилова, Киреевскаго, Рыбникова, Гильфердинга, Безсонова, Авенаріуса и друг. Эти и другіе подобныя имъ труды сдѣлали литературное достоинство нашего простого народа достояніемъ общерусскимъ и сохранили его для насъ навсегда. Н. С—ковъ.

*) Авенаріусъ. Книга о кievск. богат., стр. XIII.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Пензенскій Губернскій Статистическій Комитетъ покорнѣйше проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ у себя или знающихъ гдѣ находятся, доставить Комитету, помѣщающемуся въ г. Пензѣ, при Канцеляріи г. Губернатора: 1) старинныя рукописи, свитки, хозяйственныя книги до XVIII столѣтія, письма, переписку и біографическія свѣдѣнія объ извѣстныхъ ученыхъ и государственныхъ дѣятеляхъ, старинныя гравюры, печатанныя книги до XVII столѣтія, а если они напечатаны въ предѣлахъ Пензенской губерніи, то позднѣе до XVIII столѣтія; фамиліные архивы или ихъ подробныя описанія; 2) словари мѣстныхъ говоровъ, сказки, повѣрья, заклинанія, пѣсни и обряды всякаго рода, рассказы о цѣлебныхъ источникахъ, кладахъ, колдунахъ, чертяхъ, чародѣйствахъ и т. под.; 3) преданія и рассказы о церквахъ, монастыряхъ и иконахъ, о происхожденіи селъ и городовъ, о старинныхъ войвахъ, о жизни и обрядахъ татаръ и мордвы, и 4) свѣдѣнія о собраніяхъ старинныхъ вещей и разныхъ предметовъ въ церквахъ и частныхъ лицъ.

Всѣ доставленные въ Комитетъ документы, грамоты, рукописи и т. под. будутъ, по желанію доставившаго ихъ и по минованіи въ нихъ надобности, немедленно возвращены по принадлежности.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

1. Очерки изъ исторіи канонизаціи Русскихъ святыхъ (съ половины XVI вѣка и до конца XVII вѣка), В. Васильева.—2. Эпоха св. князя Владиміра и его личность по народному представленію, Н. С—кова.—3. Объявленіе.

Редакторы: (А. Поповъ.
(Н. Смирновъ.

Дозволено ценз. Пенза, 1 іюня 1888 г. Цензоръ, каедр. прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.